

ИСАЙЯ БЕРЛИН

Молчание в русской культуре

Обостренное самосознание — одна из самых поразительных особенностей современной русской культуры. Никогда еще ни одно культурное сообщество не было столь всецело поглощено самим собой, мыслями о собственной природе и своем особом предназначении. С 1830-х годов и до наших дней русская литература (как художественная, так и научная) посвящена по преимуществу самой России. И великие романисты, и изрядное число менее известных писателей, равно как и подавляющее большинство героев русского романа, — все они обычно озабочены не просто решением личных, семейных, сословных, профессиональных проблем, но еще и национальной миссией страны, той перспективой, которая открывается перед Россией, тем уникальным положением, которое обеспечено их принадлежностью к единственному в своем роде обществу с неповторимыми проблемами. Эта самопоглощенность нации объединяет прозаиков и драматургов, придерживающихся самых разных взглядов. Такой фанатичный религиозный проповедник, как Достоевский, такой назидательный моралист, как Толстой, такой эстет и психолог, занятый вечными вопросами, как Тургенев (такова, во всяком случае, его репутация на Западе), такой аполитичный писатель, избегавший проповедничества, как Чехов, — для каждого из них в течение всей жизни «русский вопрос» оставался ключевым. Русские публицисты, историки, литературные критики, философы, социологи, теологи, поэты — все без исключения, от первого до последнего, неустанно бились над вопросами: «что значит быть русским?», «каково предназначение русского человека и русского общества?», «в чем заключаются русские добродетели и пороки?». Но больше всего их волновала историческая миссия России, ее роль в мировой истории, в частности — проблема ее социальной структуры: строится ли русское общество (скажем, соотношение образованного слоя и основной

части населения, индустрии и сельского хозяйства) по собственным законам, как явление *sui generis*^{*}, или, напротив, оно сходно со структурой других стран, а может быть, даже представляет собой аномальное, недоразвитое, мертворожденное воплощение прогрессивной западной модели?

Начиная с 1880-х годов Россию наводнил мощный поток книг, статей, памфлетов, невероятно скучных для современного читателя и посвященных в большинстве своем решению следующей дилеммы: суждено ли России жить по своим собственным законам (тогда опыт других стран практически ничему не может ее научить), или, напротив, все беды России проистекают от обособленности и беспечности, от пренебрежительного отношения к тем универсальным законам, которые управляют всяким обществом. Западные писатели (даже американцы, которым также присуще обостренное национальное самосознание, хотя и в более скромных размерах) далеко не всегда мучают себя вопросом о том, будет ли предмет, о котором они размышляют в художественных произведениях, научных трудах или повседневных заметках, правильно вписан в историческую, нравственную и метафизическую перспективу. В России, по крайней мере — со второй половины XIX века, существовала противоположная тенденция. Любой серьезный писатель задумывался над тем, как соотносится его замысел с вечными вопросами, с целью человеческого существования. Долг каждого, кто считал себя достаточно проницательным и мужественным для осмысления своего индивидуального, социального и национального опыта, сводился к одному и тому же: соотнести волнующие его проблемы с тем путем, которым идет общество, прежде всего русское, потом уже — все человечество (это в том случае, если мы имеем дело с детерминистом), или соотнести свои проблемы с тем путем, которым на определенном историческом, или моральном, или метафизическом этапе своего развития общество должно следовать, — тут мы имеем дело с человеком, исходящим из представления о свободе выбора.

Некоторую ответственность за это пронизывающее русскую культуру умонастроение, несомненно, несет романтизм, преобладавший в европейской литературе и журналистике 1830–1840-х годов, особенно немецкий романтизм, акцентировавший проблему уникальной исторической миссии разных сообществ, будь то немцы, промышленники или поэты. Однако лишь в России дело зашло так далеко. Частично это объясняется тем, что период мощного воздействия романтизма на русскую культуру

совпал со стремительным продвижением России в центр Европы после Наполеоновских войн. Частично российская самопоглощенность национальными проблемами связана с тем чувством унижения за собственную культуру, которое побуждало образованные слои русского общества болезненно и нетерпеливо искать своей собственной достойной роли, соотносимой, помимо всего прочего, с возрастающей политической мощью России. Ситуация обострялась тем, что европейский мир склонен был свысока смотреть на русских, побуждая их и самим смотреть на себя свысока как на грязную массу варваров, управляемых жестоким деспотом и годных только на то, чтобы уничтожать свободные и более цивилизованные народы. Определенную роль в развитии этих умонастроений могла сыграть, как считают некоторые исследователи, и та мощная потребность в телеологических и даже эсхатологических концепциях, которая свойственна всем культурам, испытавшим воздействие Византии и православия, — потребность, которую не могла удовлетворить русская церковная иерархия, страдавшая от недостатка интеллектуальных ресурсов. Умственным запросам образованных и критически настроенных молодых людей русская церковь, несомненно, не отвечала.

Каковы бы ни были, однако, истоки их умонастроений, подсудно они определялись уверенностью, что все проблемы взаимосвязаны и что должна существовать некая единая мировоззренческая система, в терминах которой эти проблемы можно описать и решить. Более того, почти все верили: отправная точка и конечная цель общественной жизни, образования, морали заключается в том, чтобы обнаружить такую систему. Отказываясь от ее поисков во имя каких-то иных задач (скажем, во имя науки или искусства, счастья или личной свободы), человек сознательно и эгоистично, руководствуясь только субъективными соображениями, совершает безответственный поступок. Столь радикальный подход характеризовал не только левое крыло русской интеллигенции, но и людей других политических взглядов: он был широко распространен как в религиозных, так и в светских, как в литературных, так и в академических кругах. Почти каждая философская система, претендовавшая на статус цельного знания и окончательные ответы, встречала пылкий прием среди всех этих жаждущих, то есть готовых к незамедлительному ответу, мыслителей, по преимуществу идеалистически настроенных, исключительно последовательных в своих логических построениях, но иногда слишком ригористичных.

Такие системы не замедлили появиться.